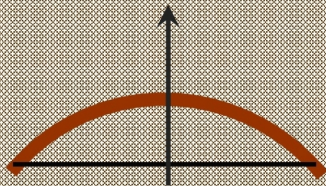

Дан Берг

Шимшон

18+

Дан Берг

ШИМШОН

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63499907

SelfPub; 2020

Аннотация

“Шимшон” – одна из повестей цикла Библейских историй. Широко известен сюжет Самсона и Далилы. Настоящая вещь посвящена этим героям. Автор вернул персонажам их первоначальные имена – Шимшон и Длила. Перед взором читателя предстанут жизнеописание легендарного богатыря, участь его несчастных отца и матери, судьба его возлюбленной.

Дан Берг Шимшон

Предисловие

В Библейской Книге Судей (главы 13-16) повествуется о жизни богатыря Самсона – его дерзкие подвиги, роковые ошибки и жертвенная смерть. Легендарную эту историю принято относить приблизительно к 12 веку до нашей эры. Оку читателя открывается картина героических деяний, любовных страстей, беспощадной мести и рек крови. За фабулой рассказа неколебимой скалой высятся Ветхозаветные догматы морали.

Комментаторы Писания приложили немало труда, дабы приблизиться к однозначному истолкованию сюжетных перипетий и всем им сыскать законное место в нравоучительной доктрине. При этом очевидны различия христианского и еврейского подходов.

Насыщенная необычайно бурными событиями Библейская драма получила широчайшее воплощение в искусстве. Самсон завоевал все жанры: литературу, драматургию, поэзию, живопись, скульптуру, музыку, кинематографию. Вот далеко неполный перечень известных литераторов, художников, композиторов, коих Ветхозаветный герой одарил

вдохновением: Г. Сакс, Дж. Мильтон, У. Блейк, М. Луцатто, А. де Виньи, Вольтер, Л. Андреев, В. Жаботинский, Д. Гроссман; Рембрандт, Ван Дейк, Рубенс; А. Скарлатти, Ж. Рамо, Г. Гендель, К. Сен-Санс.

Повесть “Шимшон” является достаточно свободной и не привязанной жестко к Библейскому тексту его литературной интерпретацией. Автор выражает надежду, что брошенная им в бочку с пряным питьём древности щепотка современных представлений не повредит исконному аромату напитка.

Написание имен главных героев соответствует первоисточнику. Прочие имена имеют талмудическое происхождение или являются плодом авторской фантазии.

Дан Берг

Глава 1 Обделенные

Всякий будень труда и хлопот начинался с рассветом и кончался по обыкновению, когда светило небесное опускалось за горизонт. Но сегодня, в честь грустного семейного торжества, работы остановились в полдень – муж и жена справляли годовщину супружества. Никогда в их доме не раздавался детский гомон, и колыбели не было за ненадобностью. Брак без детей, что день без солнца – с утра надеемся, к вечеру смиряемся.

Маноах, молодой и сильный мужчина, расположился во дворе дома. Он сидел на старом срубе в тени под навесом и складывал на земле из мелких камушков неведомую фигуру, а спроси его что это – и не найдется с ответом. С полудня Маноах отдыхал. Ждал, когда позовут к столу. Непривычное безделье. Уступил жене своей – Цлальфонит ее имя. А просила-то она всего-навсего отметить событие застольем да отрешиться от обыденности. Уснет печаль, и забудешь ее, а проснется – живи с нею.

Когда трудяга и неречистый парень Маноах сватался, то признался невесте и родителям ее, что имя Цлальфонит застрекает у него меж зубов, и испросил общего согласия называть будущую жену Флалитой. Никто не возражал, и так и пошло с тех пор – супруги Маноах и Флалита.

Из открытой двери дома доносился запах жареной баранины. Во мнении соседей чета считалась зажиточной, но все же хозяева не каждый день баловали мясом свои желудки. Слышны были команды Флалиты – она управляла работницей, готовившей ужин.

“Откуда Флалите известно, что мы прожили вместе одиннадцать лет? – размышлял Маноах, – луны, должно быть, считает. Это женское дело!” Ему хотелось иметь сыновей. Ну, пусть, одного. Дочь – тоже отрада в жизни, хоть людское

неразумие и не признает сего. А какое дело Маноаху и Флалите до чужой глупости – у них собственные головы на плечах, и свои сердца стучат в груди! “Да что толку праздно гадать? Нету снегу – нету следу!” – невесело усмехнулся про себя Маноах и невольно вспомнил, как он мальчишкой скитался вместе с отцом и братьями по холодным снежным горам вокруг города Иевуса.

***

Колено Дана, что дало жизнь Маноаху, не целиком пока прикипело к оседлости. Не перевелись еще кочевые кланы. Добывают они пропитание охотой, а то и разбоем. Семья Маноаха нашла пристанище в Цоре. В городе этом проживали все больше иудеи из колена Иегуды, и разместился он в тревожной близости от филистимлян. А вернее сказать, филистимляне, эти неисправимые язычники, подошли вплотную к Цоре и нависают грозой над иудеями и изрядно обируют их.

Войну все же кумирники не затевают, хоть и сильнее соседей, недавно осевших на землю. То ли чтут стародавний союз меж своим царем Авимелахом и иудеем Авраамом, а, может, худой мир прибыльнее им – кто знает? На небесах, тем не менее, точно известна причина бед иудейских: творят сыны Израилевы злое перед очами Господа.

Флалита удостоилась быть уроженкой колена Иегуды, ко-

торое, по мнению стародавних и новейших авторитетов, превосходило праведностью колено Дана. К чести древних и более заслуженных адептов веры следует заметить, что они не кичились перед менее набожными соплеменниками и не гнушались ими, ибо самокритично признавали собственное несовершенство. Как бы там ни было, но когда странствующее семейство Маноаха угнездилося в Цоре, юная Флалита с первого взгляда полюбила сильного и красивого молодого кочевника, а он тоже умильно поглядывал на девицу. В ту пору обоим было лет этак по семнадцать.

Отцы сговорились о женитьбе своих чад. Дали молодым хорошее приданое: овец, надел земли, птицу домашнюю, и подарили несколько возов отесанных камней для постройки жилища. Родители Маноаха с дочерьми остались в Цоре – устали скитаться, а братья двинулись на запад к морю и пропали без вести. Мать, отец и сестры новобрачного не долго радовались покою оседлой жизни. Купцы из Египта вместе с товаром привезли какую-то моровую болезнь, и не остереглись родичи Маноаха, и он схоронил кровных и осиротел.

Флалита же была единственным дитём у своих стариков. К несчастью, вскоре после свадьбы дочери они покинули мир. Так остались без родни Маноах и Флалита. Велико было желание породить побольше деток, дабы самим насытиться родительскими радостями и вдобавок прочно укоренить

на земле оба рода. Однако Всевышний не стал на сторону наших героев.

***

Десять лет минули, а дети не народились. На сей случай у иудеев заведен был в древности обычай – муж вправе приязать на развод с женой, и всякий служитель Божий уважит справедливый иск. Ибо колена Израилевы и язычники с ними заодно следовали резонному правилу касательно женщины: не можешь зачать или плод выносить – отвечай за вину бездетности!

Но не жесток Маноах. Должно быть, дорога ему Флалита. Да и как разводиться с ней? Отправить обратно в отчий дом? У нее же нет никого на всем белом свете! Взять вторую жену – несправедливо обидеть Флалиту. Он чувствовал, что она любит даже крепче, чем в юности, держится за него. А если и принять в дом еще одну женщину, то ведь только ему наследники родятся, а Флалиты боль за угасший род не уймется. Да и не так уж Маноах богат, чтоб двух жен содержать. Правда, мир не без добрых рабынь. Но байстриук делу не в помощь, ибо незаконность с предрассудком в согласии, и союз этот не разбить. Впрочем, лучше покинуть скользкую почву.

Прав Маноах: для Флалиты делить его любовь с другой – лучше смежить очи. Может, поэтому старалась угодить

ему во всем. Тайком от мужа советовалась с изощренными в любви филистимлянками из соседней Тимнаты, выучилась многими вещам и удивляла и радовала супруга обретенным искусством. А еще язычницы рекомендовали ей верное средство, как понести. Надо поесть на ночь сырой заячей печенки. Советчицы сами доставляли ей волшебное зелье, ибо Флалите не достать было трэфного зайца у иудеев. Увы, чудо не спешило в ее дом.

Маноах топил свое горе в труде. Непреклонным усердием он изрядно увеличил имущество приданого и наследства. Хозяйство большое. Земли много, мелкий скот, птица. Хотелось бы и пруд выкопать да рыбу развести. Зимой любил охотиться. Так текли дни. Больше работы – меньше дум. Были у Маноаха наемники, а также раб и рабыня – оба за долги. Рабу подходил срок освобождения, потому как седьмой год работал, но он заявил хозяину, что не хочет уходить, чтобы не разлучаться с полюбившейся ему батрачкой.

Флалита помогала мужу, в чем могла. Управляла делами, по пятницам сама готовила и подавала Маноаху любимые его кушанья. Сколько, однако, требуется хозяевам вместе с работниками еды и прочих продуктов домашнего труда? Зерно, молоко козье и овечье, перья и пух, шерсть, мясо – всё, что оставалось – всё продавалось покупщикам. Торговля, как известно, нужна для обмана и обкрадывания. Тут

то и пригодидалась Флалитина смекалка. Самым хитрым из купецкой братии ни разу не довелось обвести ее вокруг пальца.

Дом Маноаха и Флалиты сложен из камня. Строился с замахом на большую семью. Но не зазвенели в комнатах детские голоса, и печаль висела в воздухе.

Многочисленными каменными строениями Цора не могла похвастать. Большинство горожан жили в лачугах, неведомо из чего сработанных и обмазанных глиной. А недавно осевшие кочевники ютились в землянках или в пещерах за городом. Непривычка к регулярному труду мешала выбраться из нищеты. Скудость не добавляет доброты. Завистников и недоброжелателей у безбедных Маноаха и Флалиты было предостаточно.

Флалита и Маноах слыли людьми богобоязненными среди жителей Цоры, и на небесах отдавали должное их стремлению к безукоризненной праведности. Прочие горожане не могли похвастаться подлинной приверженностью догматам иудейской веры. Разумеется, одним лишь прилежным трудом святости не обрести. Работать до поту и филистимляне-язычники горазды. Необходимы неустанное поклонение единому Господу и безусловная верность заповедям Его.

Супруги соблюдали день субботний и не ели некошерной пищи, если пренебречь упомянутой зайчатиной, но ввиду серьезности причины можно иной раз сделать снисхождение. От бродячего левита, навещавшего Цору обычно накануне Божьих праздников, они выучились некоторым молитвам и благословениям и произносили их всегда в одной и той же комнате, специально для этой цели предназначенной. Но нельзя обойти молчанием тот факт, что в одном из углов домашней молельни стояли два вырезанных из дерева идола – один изображал богиню Ашторет, другой – богиню Ашеру. Статуэтки достались Маноаху в наследство от отца на память о кочевой жизни семейства. Флалита рада была бы сжечь никчемные деревяшки, дабы не оскверняли жилище духом идолопоклонства, но остерегалась обидеть мужа. Поэтому скрыла их от глаз своих пучком соломы.

***

– Маноах! – раздался женский голос, и Флалита показалась в двери, – ужин готов!

– Иду, иду, Флалита, – отозвался Маноах, стряхнул с себя грустные мысли, разбросал мелкие камушки, из которых составил орнамент, легко вскочил с деревянного сруба, служившего ему местом отдыха, упруго зашагал к двери, и, проходя мимо милой женушки, не забыл одарить ее поцелуем в разрумьянившуюся у очага щеку.

– Погляди вокруг! Нравится? Это мы вместе нарядили дом! – воскликнула Флалита и кивнула в сторону работницы.

– Замечательно! – человеколюбиво заметил Маноах, дивясь укрепленным на стенах венкам и крупным одиночным цветам, – какая красота!

– Ты можешь идти домой, – обратилась Флалита к помощнице, – вот это возьми, пожалуйста, с собой, – добавила она и протянула завернутый в листы хасы изрядный кус жареной баранины.

– Спасибо, госпожа, желаю вам с мужем приятно провести вечер! – галантно ответила и поклонилась женщина и выскользнула прочь.

– Взгляни-ка на стол, Маноах! Вот мясо – видишь, какие жирные кусочки? И зелень хороша, верно? Я поджарила пшеничные зерна, сначала размочила их в воде. Аппетитная добавка к этой косточке. В большом кувшине вино виноградное молодое, а в малом – сок из апельсинов. На сладкое испечен пирог с изюмом и финиками, как ты любишь. В корзинке лепешки. Можно макать их в уксус или полить сверху маслом – свежее и не горчит.

– Давай-ка, приступим поскорее к делу! – глотая слю-

ну нетерпеливо заявил проголодавшийся Маноах и приготовился раскладывать яства по мискам.

– Нет, нет, милый, лучше я сама – все по твоему вкусу сделаю!

– Какая ты замечательная хозяйка! – заявил утоливший первый голод мужчина, – все-таки здорово, что я на тебе женился!

Последние слова Маноах произнес для забавы, изрядно отхлебнув перед этим из большого кувшина, но вечно встревоженное сердце Флалиты не шутку усмотрело, а намек заподозрило. Остроумие, что пряность: лишнее зернышко – и пропал!

– Разве кушаньями я дорога тебе, Маноах? – прошептала Флалита, и слезы заблестели в глазах ее.

– Да ты не так поняла, да я не то хотел сказать! – бросился с утешениями Маноах и стал нежно гладить Флалиту по волосам.

– Ты добрый, Маноах, – всхлипнула Флалита, – вот уж год целый после десяти ты щадишь меня неплодную... Я так благодарна...

– Ну, всё, всё, угомонись. Никогда тебя не обижу. Видно, судьба наша такая.

– Неужто мы Господа прогневили? Мы самые богобоязненные в Цоре и людям зла не сделали! А до сих пор не пришло счастье, хоть и положено нам...

– Эх, кабы мир Божий велся так, чтобы каждому по положенному воздавалось! Только не было и нет того... Бог играет в кости...

– На Бога нельзя роптать. Я верю, и ты верь, Маноах, снизойдет на нас благодать небес. Будем молиться и просить о милости. Ведь нестарые мы.

– Да, будем молиться. Но пока давай-ка, выпьем с тобой вина – на душе повеселеет.

Они опорожнили свои кружки, потом еще раз, и нехитрое и многократно проверенное предсказание Маноаха сбылось: полегчало на сердце. Молодое вино – к молодой любви. Оставим пирующих наедине.

Глава 2 Милость небес

Ангел Пахдиэль задумчиво и вместе с тем нервно расхаживал по своей каморе в ожидании двух друзей. Предстоя-

ло обсуждение дела чрезвычайной важности. Здесь, на небесах, давно уж с тревогой взирали на царящее в земле Ханаанской неблагополучие. А точнее сказать, сердца небожителей болели за муки избранного народа и сочувствием и гневом наполнились.

Выпрямление кривды Господь вверил Пахдиэлю, выказав тем самым высшее доверие к одному из умнейших слуг-ангелов. Основательный в любом деле, Пахдиэль призвал советников – любимых друзей своих, несогласные мнения которых привычно схлестывались, и высекаемые столкновением искры выхватывали истину из тьмы неведения.

Собрался небесный совет, и Пахдиэль открыл дискуссию.

– Друзья, Бог оказал мне великую честь – отыскать причину бедствий Его избранных и вырвать с корнем цветы зла. Как и всегда, я апеллирую к пронизательности ваших умов, и, уповая на мощь сего рычага, надеюсь добраться до ядра предмета, дабы исполнить волю Творца. Начнем с основ. Огласим без утайки ведомое нам о жизни колен Израилевых в Ханаане и в Цоре в том числе. Прошу высказываться.

– Нечего тут говорить – бедствуют люди! – горестно вздохнул Первый друг, и слеза скатилась по щеке его.

– Верно, но общо, – заметил Второй друг, – факты помогут лучше душещипательных эмоций.

– Увы, доказательств бедствий слишком много! – взволнованно возразил Первый.

– Что вам конкретно известно, друзья? – старался Пахидель направить обмен мнениями в русло рациональности.

– Худшие из язычников сбились в банды и грабят на дорогах иудейских купцов, – начал Второй, – вдобавок еще и власти филистимские разбойничают – разоряют торговцев двойной пошлиной.

– Люди трудятся от зари до зари, а утробу насытить не могут! – воскликнул Первый, – бескормица, бедность. Порой, нечем наготу прикрыть. Младенцы мрут, матери плачут, мужи стонут, а мудрецов нет, ибо никто до старости не доживает.

– Филистимляне не позволяют израильтянам изготавливать железо, – заявил Второй, – и это хуже всего!

– Хлебушко нужен, – горестно усмехнулся Первый, – в рот не положишь твое железо!

– А вот и неверно! – вскричал Второй и в гневе топнул ногой, – с обладания железом начинаются и хлеб и свобода! Серп и орало, копьё и меч!

– Не раскаляйтесь, друзья, – урезонивал Пахдиэль, – лишь холодный рассудок нам в помощь.

– Филистимляне истуканам молятся, а сами-то не истуканы! – заметил Второй, – не допускают иудеев до оружия.

– На сей раз не я, а ты не прав, – бросил Первый, – глупы язычники: себе в ущерб держат соседей на коротком поводке скудости – нечего у бедняков купить и продать голодранцам ничего нельзя.

– Думаю, коленам Израилевым не на кого пенять, – произнес Второй, – пусть сперва все кланы на землю осядут. Вот привыкнут к труду, и появится у них железное оружие, и войско сильное соберут, и одолеют кумирников и заживут хорошо.

– Во всем ты материю высматриваешь. Духовную причину искать надо! Грешны иудеи, творят злое в очах Господа, не блюдают заповеди и до сих пор идолов не забыли – куда уж хуже! Кара Божья – их удел справедливый, – возразил Первый.

– Плохо, что царя над ними нет, и праведных слишком мало, а нечестивых предостаточно, – добавил Пахдиэль.

– Вот-вот, – воодушевился Первый, – иудеям требуется царь ли, пророк ли, судья ли – но такой вождь, который уведет их с кривых путей и вселит слово Божье в крепколобые головы!

– Мудрено найти такого жоака. Задача потрудней, чем выучиться железо выделывать, или, скажем, алчных соседей обуздывать, – уныло заметил Второй, – все колена обойдешь, а вот сыщешь ли?

– Я думаю, не среди колен ближних и дальних искать надо, а своего праведника в Цоре растить с молодых ногтей, – догадался Первый, – близкий пример убедительнее!

– А я бы уточнил, – вмешался Пахдиэль, – не с молодых ногтей, а с колыбели!

– Да разве благочестивый вырастет в Цоре, обдуваемой окаянства ветром из соседней языческой Тимнаты? – усмехнулся Второй.

– Праведность не средой внушается, а наследуется! – про-

возгласил Первый, – нужно даровать младенца богобоязненной бездетной чете.

– А многодетная семья чем уступит? – ехидно спросил Второй.

– Бесплодные родители будут безмерно благодарны Господу за ниспосланное благо, и все силы положат, дабы воспитать Ему достойного адепта, – с важностью ответил Первый и поймал на себе уважительный взгляд Пахдиэля.

– Внушением не одолеть жестоковыйность. Зубы сломашь о твердокаменную природу людей. Вождь – человек, значит, не без изъяна, который рано или поздно грехом обернется. И недруги радостно поставят лыко в строку, и опорочат и низложат наставника! – провозгласил Второй.

– По-твоему, нет никакого средства? – осторожно спросил Пахдиэль.

– Есть средство! Железо, то бишь оружие. Сплотиться, учиться воевать и давать отпор!

“Во мнениях обоих советников я нахожу плодоносные зерна”, – подумал Пахдиэль и остановил диспут. Теперь ему предстояло все взвесить и принять решение. Несомненно од-

но – надо спускаться на землю. Ангел поднес разгоряченным полемикой друзьям чаши с прохладной водой из реки Пишон, сердечно поблагодарил их, и отпустил восвояси. Наблюдая, как они продолжают спор на ходу, принялся обмозговывать план действий.

***

Сквозь туман послепиршественного утра пробивались лучи сладких воспоминаний о ночи любви. К полудню Маноах собрался с силами и отправился в поле, прихватив с собой деревянные орудия землеша. Флалита уселась на сруб, накануне служивший мужу местом ожидания и отдохновения, и принялась доить заждавшихся коз. Рабов и наемников отправила на заготовку хвороста.

Тут случилось невиданное прежде. Солнце погасло, но за тучи не спряталось, небо почернело, но звезды не вспыхнули. Сверху вниз ринулся яркий смерч и, достигнув тверди, пропал. Светило опять засияло, и купол над землей вновь заголубел.

Перед Флалитой стоял человек – должно быть, вихрь принес его. Она разглядела крылья, которые тот старался спрятать под широким плащом.

– Кто ты и откуда? – спросила испуганная Флалита и подумала, что незнакомец сей явился с неба. Уж не гонец ли

Божий?

– Женщина! – не ответив на вопрос, напыщенно проговорил пришелец, – ты бесплодна и не рожаеть!

– Я не могу зачать...

– Ты зачнешь и родишь сына!

Флалита зарыдала, бросилась в ноги доброму вестнику – уверилась, что явился ей ангел Господень. Сквозь слезы восторга она бормотала слова благодарности, но вновь услышала категоричную речь

– Однако берегись, женщина – уничтожь идолов в доме твоём! И не пей вина, и не ешь нечистого!

– Я ела печень зайца... Согрешила...

– Это в прошлом. Бритва век не коснется волос сына, ибо назиром Божиим назначено быть ему, и от самого чрева твоего блюди святость чада. Он спасет народ Израилев от руки филистимлян.

Только смолк голос, как вновь закружил ветра столб и подхватил человека в плаще и унес на небеса.

Вожделенное свершилось, да так внезапно, точно обухом по темени! Флалита сидела ошеломленная: верить ли? Разумеется! Изумление – начало веры.

“То ангел пророчил мне, – бушевали мысли в голове ее, – не простой человек, не обманщик, не насмешник – Бога посланец! О, как огромна радость! Родится у нас дитя – сын! Как велика честь! Воздаяние за праведную жизнь? Нет, пожалуй. Ведь дети – любви сверкающий оттиск! Кто, как не мы с Маноахом, награды достойны – живем нестареющей страстью, негу ее вкушая!”

“Славная будущность чаду уготована. А мне выпало произвести на свет спасителя народного – как я горда! И Маноах благословит семьи великость. Однако чьим станет сын? Отца с матерью? Или небесам назначен будет? Родителям отдаст лишь узкий краешек сердца своего? Нищенское счастье для троих...”

“Впрочем, ярмо назира гнетет умеренно – не пить вина, не стричь волос и мертвых не касаться. На любовь запрет не наложен – вот главное. Ах, глупая! Наконец-то в печаль нашу солнце ворвалось, а я тень ищу!”

Маноах вернулся с поля. Флалита кинулась ему на шею, плача от радости. Угомонившись, рассказала мужу, что бы-

ло, что слышала, что говорила, что думала. Слезы высохли, и Флалита уставилась на Маноаха сияющими глазами и ждала ликования в ответ.

***

Выслушав жену, Маноах придал лицу блаженное выражение и долго сохранял его, погрузившись в размышления и пробиваясь к сути и подоплеке новых счастливых и, возможно, скандальных обстоятельств. Не проронил ни слова, однако: сомневаешься – молчи! Темны пути мужского постижения вещей.

“Неужто настанет конец одиночеству нашему, и мой род не умрет со мною вместе, и на Флалиту такая же благодать снизойдет? Огромная радость! – думал Маноах, – но как странно случившееся! Ангел слетел на землю? С какого неба? Воображению моему не под силу усвоить диковинное. Ни скитания, ни труд крестьянский не приучают к вере в чудеса. А женщины доверчивы. Я не таков”.

“Позор мне – подозревать супругу. А разъяснить дело надо. Почему доброхот пришел к жене, а не к мужу? Неслышанно! Хотя, если он и впрямь небесной крови, то не диво, что кинулся к Флалите, уроженке колена богоугодного. Или виновником бездетности он мнит меня и потому избегает, гордость мою щадя? Мол, не взял вторую жену, не доказал свою силу!”

“А, может?.. Нет, нет, прочь дурные мысли! Зря я терзаюсь. Богу нужен человек благочестивый, назир. Что придет в голову ангелу? Ясное дело – найти праведную бездетную чету: святость дитя унаследует, а уж благодарные отец с матерью уберегут сына от греховных соблазнов”.

“А все же, чье семя? Мое? Мнимого небес посланца? Еще кого-то? Жаль, не припомню, когда в последний раз у Флалиты было обычное у женщин. Спрашивать не стану, чтоб не почуяла недоверия. Хватит голову ломать. Я должен свести знакомство с этим ангелом Господним, и дело разъяснится!”

Маноах стал горячо молиться Богу, просил вновь прислать того пророка, чтоб научил, как чадо для высокой цели правильно растить. И пусть бы говорил Его гонец не только с Флалитой, но и с ним тоже. Думал про себя: “Женский ум – хорошо, а мужской добавить – каши не перемаслишь!”

И услышал Господь голос Маноаха. И вот, во второй раз явился ангел к Флалите. Она чутьем понимала тревогу мужа, и потому, как увидела посланца небес, бросилась за Маноахом.

– Это ты говорил с сей женщиной, моею женой? – спросил Маноах, глядя на пришельца испытующим, внешне твер-

дым, но полным скрытого страха взглядом.

– Я! – прозвучал отчасти дерзкий ответ.

– Да сбудется слово твое, что жене сказано. Укажи, как поднимать дитя.

– Господом назначен сын твой искоренять злое в сердце народа, и спасет он единоверцев от руки филистимлян. Назиром воспитай чадо – чтоб вина не пил, волос не стриг и мертвых сторонился. Он под моим призором будет.

– О, какую благодарность мне изобрести? Погоди, изжарю козленка!

– Не стану трапезничать с тобой, ибо безвозмездно пророчество. Лучше принеси Богу жертву всесожжения.

– Откройся, как звать тебя. Читить станем, лишь сбудется предсказанное!

– Что в имени тебе моем? – горделиво воскликнул ангел и растворился в воздухе.

Не медля, Маноах устроил жертвенник на скале, огонь поглотил козленка, и пламя вознеслось к небу – это Бог подал

знак, что одобрил подношение. Мужчина и женщина пали лицом на землю.

Пропали сомнения Маноаха – посланником Всевышнего был незнакомец: неприступен, имя не открыл, трапезничать не стал, и, главное, принесенная по его указке жертва принята Богом. Взяв всё это в соображение, бледный от страха Маноах заявил Флалите, что они сейчас умрут, ибо видели посредника Господня. Но жена успокоила мужа – не смерть, а жизнь впереди, иначе как осуществится задуманное Богом?

Маноах окончательно уверился в честности Флалиты, но крошечное терние ревности осталось в сердце навсегда – как беспокойство от зажившей раны.

Глава 3 Становление

По слову ангела Господня понесла Флалита. Пока тяжелая была, не брала в рот ни ягод виноградных, ни вина и ни сока из них. И всякую пищу некошерную – нечистую, как назвал ее посланец Божий – запретила в дом вносить. Разрешившись от бремени, продолжила блюсти строгость новой жизни и того же добилась от супруга и, впоследствии, от сына.

Исполняя веление ангела, жена привела мужа в молельную комнату и указала перстом на клоч высохшего сена в углу. Маноах понял без слов. Он отодвинул солому, поднял с полу двух деревянных идолов и уставился на них скорбным

взором. Неизбежно расстаться с памятью прошлого. Цена обретения – отречение. Сочтем новое великим, а старое ничемным – и смирим боль перерождения. Собственной рукою Маноах швырнул деревяшки в огонь.

Шимшон – так называли новорожденного. Маноах и Флалита утверждали, что избрали это имя, потому как оно происходит от слова “солнце”. Ученые авторитеты прошлых веков и их современные эпигоны в большинстве своем согласны с версией родителей. И в самом деле, разве с появлением на свет младенца в прежде печальном бездетном доме не отворились окна навстречу солнечным лучам? Да и великой миссии Шимшона имя это отвечало вполне.

Как и положено, на восьмой день жизни малютки острием ножа на нежном теле был оставлен знак завета между Богом и народом Его. Некий странствующий отшельник помог Маноаху осуществить заповеданное деяние с предписанной канонам скрупулезностью. Этот же подвижник веры обучил родителей Шимшона неизвестным им прежде молитвам. Отказавшись от платы, пошел своей дорогой Божий человек, лишь ломоть хлеба да кусок овечьего сыру согласился принять.

Шимшон явил аппетит необычайный. В грудях у Флалиты не доставало молока, чтобы насытить прожорливого крошку,

и в помощь матери были призваны две кормилицы. На зависть соседям, друзьям и недругам, невероятно быстро росло и развивалось дитя. Широкие кости, крепкие мускулы, дубленая кожа. Буйные волосы малыша мать заплетала в косы, памятуя остережение ангела. В четыре года мальчонка легко удерживал за рога крупного козла. В десять лет ловко жонглировал тяжелыми камнями, какие Маноах с трудом отрывал от земли.

Не только силой и проворством превосходил Шимшон одноклассников, но и хватким умом отличался среди сверстников. Мальчишки любили ходить с ним в лес и в поле. Он помнил все тропинки, умел отыскивать грибы и целебные коренья находить, по полету и голосам пернатых определял, где их гнезда, и расставлял поблизости силки, а потом освобождал птичек и выпускал на волю или дарил товарищам.

Как-то помогал Шимшон отцу в поле, и заметил родитель, что отпрыск его загляделся на проходившую по меже девочку. И в другой, и в третий раз случилось подобное. Маноах поделился наблюдениями с Флалитой. Мать не огорчилась: “Нет ничего худого. Видно, сердце его щедро. Много любви в жизни изведает!”

Маноах и Флалита не могли нарадоваться, глядя на зреющий плод. Законное тщеславие переполняло родительские

сердца. Но ни на день не забывали отец с матерью великое сына предназначение – темную тучу на небосводе счастья. “Для кого растим дивное наше чадо?” – спрашивали они себя, – нам ли на радость? Ему ли в благодать? А, может, во славу родов наших? Бедно то детство, что приносится в жертву зрелым годам!” Но стучали в уши речи ангела Господня, напоминая ответ на праздный вопрос.

Чем краше становился отрок, тем тяжелее было отцу с матерью сносить мысли о неотвратимости утраты и тщете надежд. Юный Шимшон примечал свою необычность, задумывался о будущем и вызывал отца на разговор. А тот, встав на цыпочки, гладил отрока по голове и отвечал: “Потерпи, сынок, скоро разъяснится дело!”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.